

ИНТЕРФЕЙСНАЯ ТЕОРИЯ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА А.А. ЗАЛЕВСКОЙ В РАКУРСЕ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

С.В. Мкртычян

Тверской государственный университет, Тверь

Обсуждается возможность применения основных положений интерфейсной теории значения слова, предложенной А.А. Залевской, для интерпретации грамматического значения, формируемого грамматическими категориями; в качестве аналитического материала предлагается трактовка грамматической категории вида глагола и категории полноты/краткости прилагательного с позиций «живого» слова – от индивида к категориальному значению.

Ключевые слова: интерфейсная теория значения слова, парадигма «живое знание», грамматическая категория, семантика, субъективность, имплицитность, интерпретация

В рамках Тверской психолингвистической школы плодотворно разрабатывается интерфейсная теория значения «живого» слова как достояния целостного человека, включённого в естественное и социальное окружение. Авторство этой концепции принадлежит заслуженному деятелю науки РФ профессору Александре Александровне Залевской, идеи которой обогатили и существенно расширили традиционную лингвистическую трактовку значения слова как элемента лексико-семантической системы языка. Полагаем, что основные положения интерфейсной теории значения слова, изложенные, в частности, в монографии А.А. Залевской «Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход» (см. [5]) обладают настолько мощным объяснительным потенциалом, что могут быть весьма успешно экстраполированы на грамматическое значение слова, формируемое и поддерживаемое системой грамматических категорий. В настоящей публикации предпринимается попытка вернуть этот тезис и обозначить «точки роста» теории значения слова как достояния индивида в грамматическом аспекте.

Если подходить к обозначенной проблематике издалека, то, безусловно, теорию А.А. Залевской можно сопоставить с пониманием «живого» знания в работах А.Н. Леонтьева и В.П. Зинченко [9]). Краеугольным камнем всех перечисленных теорий, на наш взгляд, является идея потенциальной динамичности знания (в том числе «знания значения»), возможности каждый раз по-новому и творчески создавать его и воссоздавать в силу его потенциальной встроенности «в пространства мозга и тела, в пространства естественного и социального окружения человека при постоянной динамике взаимодействия различных уровней осознаваемости процессов и продуктов психической деятельности индивида» [5: 31]. «Живое» знание «отличается от мертвого или ставшего знания тем, что оно не может быть усвоено, оно должно быть построено. «Живое знание принципиально неполно, открыто, трудно доказуемо [7: 22, 23, 40]. «Живое» слово «у индивида не хранится в “готовой” словесной формулировке – оно должно быть найдено, построено, идентифицировано, т.е. пережито как понят-

ное посредством процесса (точнее – ряда процессов) поиска опор в предшествующем опыте познавательной и коммуникативной деятельности» [4: 31].

Другой важный для наших размышлений тезис, требующий обсуждения с позиций интерфейсной теории А.А. Залевской, касается направленности самого вектора исследовательского внимания. В полевой модели языка, развиваемой в традиционной грамматике, а частности, А.В. Бондарко, С.Д. Кацнельсоном, в качестве интерпретатора смысловой основы грамматического значения выступает «не человек, не этнос, а сама языковая система и языковая форма». Основная идея этой концепции заключается в том, что в ядерном прототипе видится «лучший представитель» (образец) категории со всеми типичными признаками, вокруг которого группируются другие элементы категории по принципу близости к прототипу. Исследования отечественных лингвистов, в частности работы В.Г. Адмони (1909–1993), показали, что полевую структуру имеют не только лексические, функционально-семантические, лексико-грамматические, но и морфологические категории [1: 2]. Интерфейсная теория А.А. Залевской даёт возможность развернуть интерпретационный вектор исследователя в принципиально ином (обратном) направлении – от говорящего индивида к грамматическому значению. Это значит, что интерпретационный потенциал грамматического значения будет объясняться в первую очередь интенцией говорящего, а во вторую – ядерным грамматическим значением, закреплённым в системе языка.

В полевой модели не отрицается размытость категориального значения на периферийной позиции. Эта условная периферийность устойчива в координатах человекоцентричного подхода. А.А. Залевская обратила внимание, что

при лингвистическом описании значения слова последнее не может не быть относительно стабильным и чётко сформулированным, поскольку должно фиксировать социально принятое в некоторый текущий период времени средство взаимопонимания при общении. Это, объективно необходимое, качество словарных описаний значения нередко «по умолчанию» принимается как адекватно отображающее ситуацию функционирования слова у индивида, что в принципе противоречит динамичности, расплывчатости представлений индивида о значении некоторого слова, а нередко и неспособности человека вербально описать значение слова, которое ему вполне понятно, в том числе за счёт учитываемых на разных уровнях осознаваемости перцептивных образов или отдельных признаков тех или иных объектов, действий, состояний, эмоционально-оценочных переживаний, возможных или воображаемых ситуаций, следствий из них и др. [5: 31–32].

Процитированное выше, на наш взгляд, равно справедливо по отношению к грамматическому значению, описание которого в традиционной грамматике не может быть в полной мере перенесено на индивидуальную «речевую организацию» (термин Л.В. Щербы) и не может быть приравнено к тому, что функционирует у пользующегося языком человека (ср. у А.А. Залевской [5: 31]).

В качестве аналитического материала привлечём наблюдения над двумя грамматическими категориями – категорией вида русского глагола и категорией полноты/краткости прилагательного на материале русского языка. Выбор рассматриваемых грамматических категорий для осмысления в ракурсе «живого» знания связан прежде всего с их облигаторностью.

С.Д. Кацнельсон отмечает, что «владение грамматическими формами характеризуется иной когнитивной модальностью. Толкование грамматических форм в отдельности представляет для говорящих значительные трудности. Оно становится возможным лишь тогда, когда грамматический строй становится объектом научного познания» [8: 114–115].

Интерпретация семантики совершенного (далее – СВ) и несовершенного вида (далее – НСВ) русского глагола на протяжении истории русского языка с момента появления до настоящего времени представляет собой нерешённую проблему аспектологии, что, по-видимому, в частности, свидетельствует об ограниченности исследовательского инструментария. Здесь следует подчеркнуть, что речевой выбор той или иной формы вида осуществляется носителями языка безошибочно в соответствии с их интенцией. Об этом свидетельствует целая серия экспериментов, проведённых со студентами факультета ИЯ и МК Тверского госуниверситета [10].

По сути, все обнаруженные интерпретации нюансировок смысловых видовых различий укрупнённо и схематично можно попытаться объяснить двумя значениями: либо однократностью/многократностью действия, либо процессуальностью/результативностью. Но на основе этих значений выстраиваются ситуативные индивидуальные интерпретационные стратегии. Например, в микродиалоге:

- *Давайте встретимся завтра!*
- *Завтра я поеду/еду в Москву.*

НСВ передаёт локус процессуальности – «моё время будет занято». Это более релевантный ответ на поступившее предложение. Тем самым, как следствие, НСВ приобретает оттенок неотвратимости события, его обязательности. Форма СВ в этом контексте будущего времени не имеет дополнительного оттенка. Только рассогласованием времени грамматического со временем хронологическим мы достигаем интенции – дать более вежливый ответ (если такова интенция!). М.Я. Гловинская тоже связывает употребление вида в сходных контекстах с категорией вежливости [3]. По её мнению, более вежливым должен считаться вариант с НСВ как существенная причина отказа в силу неотвратимости предстоящего действия.

Другой пример:

Я у вас деньги на прошлой неделе ОДОЛЖИЛА/ОДАЛЖИВАЛА.

По И.Б. Шатуновскому [12: 328], НСВ вежливее здесь потому, что предполагает обратное (открытое, незаконченное) действие. НСВ указывает на давность события; если же должник сам признает давность долга, то это звучит деликатнее, ибо скорее значит, что он осознает необходимость долг вернуть. Если говорящий настроен на категоричность, то уместнее форма СВ.

Давность действия как бы обнуляет его результат, заставляет фокусироваться на самом имеющем место факте действия.

В экспериментальном материале было предложено высказывание (– *Кто ПОДАРИЛ/ДАРИЛ тебе эти туфли?*), получившее множественные интерпретации.

Испытуемые дали такие комментарии:

Для НСВ

1. Акцент на времени.
2. Продолжительное действие.
3. Несколько пар туфель.
4. Вопрос с целью предпринять какие-то действия. Например, нужно купить новые туфли, хочется взять такие же, как старые. Тогда вопрос «Кто дарил тебе эти туфли?» подразумевает, что мы можем, например, спросить у этого человека, где он купил туфли или за какую сумму.
5. Можно использовать в значении «на протяжении какого-то времени».
6. Кто-то один дарил разные туфли на протяжении какого-то времени//Несколько человек подарили одни и те же туфли.
7. Многократное действие как процесс, т.е. бесконечно дарил.

Для СВ

1. Туфли уже у девушки есть и их видно.
2. Одноразовое действие.
3. Однократное действие, т.е. подарок на руках.
4. Кто-то один подарил какие-то одни туфли.
5. Акцент на том, Кто подарил.
6. Одна пара туфель.
7. Вопрос исключительно из любопытства («какие красивые туфли, кто их тебе подарил?») или ревности («Дорогая моя, это тебе кто такие туфли подарил?!»)

Конструкция с НСВ поддерживает мотив «давности» (туфли подарены давно). Если же мотив «давности» исключить, то подразумевается, что результата – наличия туфель – как бы нет, тем самым означая, что говорящему туфли не нравятся. Аналогично обстоит с фразой *Кто эти билеты покупал?*, где результата (возможно, из-за неудобства мест) тоже как бы нет и сказанное приобретает характер упрека. Аналогично в примерах вроде *А я тебя предупредил*, где также подразумевается отсутствие результата при том, что он должен был бы быть.

Обстоятельства, влияющие на выбор НСВ и СВ чрезвычайно субъективны. Интерпретация наличия/отсутствия результата, его актуальность/неактуальность зависит от множества контекстных и конситуативных факторов. Мы попытались объяснить действующие закономерности с опорой на идеи А.А. Залевской, связанные с «живым» словом.

Расширение интересов лингвистики не вступает в противоречие с фундаментальными принципами структурализма, с пониманием языка как системы систем, но соотносит эти знания с другими гуманитарными знаниями о *homo loquens*. Примерно равная приемлемость СВ и НСВ в некоторых контекстах вовсе не означает, что не остается места для тонких предпочтений.

Обратимся к другой грамматической категории – к категории полноты/краткости прилагательных в предикативной функции в русском языке. Беглый обзор научной и учебной литературы по вопросу разграничения полной и

краткой форм, который представлен в [11], позволяет заключить, что поиск единого инвариантного критерия разграничения рассматриваемых форм до сих пор не увенчался успехом.

По-видимому, выбор той или иной формы в практике реального использования языка регулируется целым набором факторов и условий (коммуникативных, образных, стилистических, прагматических и т.д.). Здесь трудно говорить о системе строго заданных статичных правил. Каждый факт языкового использования окутан сетью смысловых векторов, которые обусловлены его различными компонентами. Все они создают некую смысловую перспективу, определяющую категориальный модус каждого конкретного высказывания, который даже носителями языка зачастую интерпретируется с трудом. Ср.: А.А. Залевская указывает на зачастую проявляющуюся неспособность

вербально описать значение слова, которое человеку вполне понятно, в том числе за счёт учитываемых на разных уровнях осознаваемости перцептивных образов или отдельных признаков тех или иных объектов, действий, состояний, эмоционально-оценочных переживаний, возможных или воображаемых ситуаций, следствий из них и др.» [5: 31–32].

Ошибочно полагать, что предлагаемый динамический (или, воспользуемся метафорой А.А. Залевской, «живой») подход означает отказ от понимания грамматической категории как целого, растворяя ее в бесконечных частных случаях. В этом случае принципиально иным оказывается характер обобщения и интеграции, сам общий принцип, согласно которому говорящие осуществляют выбор и осмысление той или иной грамматической формы.

Полная форма изначально атрибутивна, она сохраняет этот оттенок атрибутивности даже в функции предиката в контуре высказывания. В выражениях *Глаза выразительные*, *Жизнь прекрасная* речь идёт не о двух отдельных компонентах смысла, сам предмет как бы растворён в признаке, признак является его неотъемлемой частью, это данность, которая не предполагает расчленения и анализа. Говорящий оказывается пассивным наблюдателем, который констатирует, что таково положение вещей.

Сам эффект предикирования заключается в том, что мы объективно приписываем признак предмету. В выражениях *Глаза выразительны*, *Жизнь прекрасна* одному компоненту смысла приписывается другой компонент, эти компоненты разделены. Мы получаем представление о том, что глаза могут быть выразительны, а жизнь прекрасна благодаря говорящему. Говорящий именно так интерпретирует действительность. Не констатирует данность, а по-своему интерпретирует наблюдаемое. Это позиция активного наблюдателя, который готов обосновать почему, в силу каких причин субъект наделяется признаком, передаваемым краткой формой.

Полагаем, что краткая форма создаёт модус суждения о предмете, которому приписывается признак, а полная форма – модус представления о предмете, который обладает признаком как данностью.

В высказываниях с темпоральными экспликаторами возможны обе формы. На наш взгляд, полная и краткая формы вносят различные смысловые оттенки: *Вчера весь вечер он был весел. Вчера весь вечер он был весёлый.* В высказывании с краткой формой указано на отрезок времени, в течение которого признак наличествовал у объекта, в высказывании с полной формой указывается скорее не на продолжительность действия признака, а на то время, в течение которого говорящий наблюдал этот признак у объекта.

Грамматическая категория полноты/краткости форм прилагательных принципиально не сводима к определённым значениям, способным объяснить всё разнообразие в употреблении этих форм. Ср. с особенностью значения слова, о которой пишет А.А. Залевская:

словарная дефиниция значения слова имеет вид законченного высказывания, но знакомящийся с ней человек должен произвести ряд действий, обеспечивающих понимание того, как суть воспринимаемого высказывания вписывается в индивидуальный образ мира [5: 34].

Полная и краткая формы прилагательных передают не грамматические значения, а различные смысловые модусы: погружённость говорящего в поток опыта, который он осмысливает, пассивно наблюдает; и активность по отношению к миру, который говорящий познаёт, наделяя смыслами с позиции своей перспективы активного наблюдателя. Дело в том, что одна позиция перетекает в другую, наше сознание постоянно балансирует между двумя этими позициями. Именно эти процессы и находят отражение в языке через средство использования различных форм прилагательных, формируя «живую» динамическую грамматическую категорию.

Полагаем, что интерфейсная теория значения слова А.А. Залевской, выходящая за рамки системной лингвистики, знаменует собою переход к новой парадигме исследований – парадигме «живого» знания, в рамках которой принципиально иным должен быть подход к анализу всех языковых явлений, в том числе и явлений грамматического порядка.

Список литературы

1. Адмони В. Г. Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики. М.: Наука, 1988. 238 с.
2. Большой словарь иностранных слов // URL: https://gufo.me/dict/foreign_words
3. Гловинская М. Я. Теоретические проблемы видовременной семантики русского глагола: автореф. дис... доктора филол. наук: 10.02.01. Москва, 1986. 37 с.
4. Залевская А.А. Значение слова в пространстве мозга, тела и окружения человека // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. Вып. 14. С. 31–35.
5. Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход. London: Published by IASHE. 2014. 180 с.
6. Зализняк А.А., Шмелев А.Д. Лекции по русской аспектологии. Мюнхен, 2007. 148 с.
7. Зинченко В.П. Психологическая педагогика: материалы к курсу лекций. Часть I. Живое Знание. Самара. 1998. 216 с.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и языковое мышление. Л.: Наука, 1972. 231 с.

9. Мкртычян С.В. От «живого» слова к «живому» знанию // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. / под ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. Вып. 14. С. 55–59.
10. Мкртычян С.В. Трудные вопросы аспектуальности вида глагола в контексте современной лингвистики (с привлечением экспериментального материала) // Вестник тверского государственного университета. 2017. № 2. Серия «Филология». с. 33–39.
11. Мкртычян С.В. Семантика полных и кратких форм прилагательных в предикативной функции (с привлечением материала экспериментов) // Вестник Тверского государственного университета. 2018. № 2. Серия «Филология». С. 111–117.
12. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нерелевантные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. М.: Языки славянской культуры, 1996. 404 с.

A.A. ZALEVSKAYA'S INTERFACIAL THEORY OF WORD MEANING FROM GRAMMATICAL PERSPECTIVE

S.V. Mkrtychyan

The possibility of applying the basics of interfacial theory of word meaning (developed by A.A. Zalevskaya) to the interpretation of meaning formed by grammatical categories. An interpretation of the grammatical categories of verb aspect and complete/short adjective from the “live word” perspective, from an individual to categorial meaning, is given as an example.

Key words: *interfacial theory of word meaning, “live word” paradigm, grammatical category, semantics, subjectivity, implicitness, interpretation.*